ДЖОЗЕФ КЛАРК

КУЛЬТ ВРАГА:

НАЦИСТСКАЯ БОРЬБА С «СЕКТАМИ» И ЕЕ СОВРЕМЕННОЕ ЭХО

Историческое исследование о том, как нацисты превратили борьбу с религиозными меньшинствами в инструмент тоталитарного подавления

КУЛЬТ ВРАГА

НАЦИСТСКАЯ БОРЬБА С «СЕКТАМИ» И ЕЕ СОВРЕМЕННОЕ ЭХО

ДЖОЗЕФ КЛАРК

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ

ЧАСТЬ I. ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ КУЗНИЦА

Глава 1. Призрак Веймара. Теология, страх и «проблема сект»

Глава 2. Идеология чистоты. Национал-социализм и война с «духовным загрязнением»

Глава 3. Архитекторы преследования. СС Гиммлера и «Сектантский отдел»

ЧАСТЬ II. МЕХАНИЗМ УНИЧТОЖЕНИЯ

Глава 4. Конструирование врага. Масоны, Свидетели и Антропософы под судом пропаганды

Глава 5. Отравленный колодец. Язык вражды в нацистской прессе

ЧАСТЬ III. СОВРЕМЕННОЕ ЭХО

Глава 6. Наследие подозрительности. Послевоенное антикультовое движение

Глава 7. Справочник «сектоведа». Александр Дворкин и риторика «духовной безопасности»

Глава 8. Новый *Gleichschaltung*? «Антикультизм» как инструмент государственного контроля

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ИСТОЧНИКИ

ВВЕДЕНИЕ

Как убедить целую нацию в том, что преследование соседей — это не преступление, а добродетель? Как превратить обывателя, вчера еще деликатно здоровавшегося на улице с причудливым теософом или набожным исследователем Библии, в бдительного информатора, готового написать донос, который уничтожит их жизни? Этот парадокс — парадокс установления тоталитарного порядка через культивацию всеобщей подозрительности — лежит в основе одной из самых мрачных глав истории двадцатого века. Он же, словно зловещее эхо, звучит и сегодня в речах тех, кто призывает к «духовной безопасности» и войне с «деструктивными культами».

ЧАСТЬ I. ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ КУЗНИЦА

Глава 1. Призрак Веймара. Теология, страх и «проблема сект»

Германия 1920-х годов была страной на грани нервного срыва. Унизительное поражение в Первой мировой войне, неподъемные репарации Версальского договора, гиперинфляция, превращавшая сбережения в пыль, и жестокая политическая борьба между коммунистами и ультраправыми создавали атмосферу всепроникающего страха и неопределенности. Старые опоры рухнули. Империя кайзера, казавшаяся вечной, рассыпалась. Церковь, веками дававшая утешение и моральные ориентиры, теряла авторитет в глазах миллионов людей, разочарованных и ищущих новые ответы на вечные вопросы.

Именно на этой выжженной почве старых верований расцвели сотни новых духовных и философских движений. Это был калейдоскоп идей, причудливый и пугающий для консервативного обывателя. С Востока проникали теософия и антропософия, предлагавшие эзотерические учения о карме, реинкарнации и скрытых силах космоса. Из Америки пришли новые, энергичные формы протестантизма, такие как ревностные Исследователи Библии, будущие Свидетели Иеговы, с их бескомпромиссным пацифизмом и предсказаниями скорого конца света. Возрождались древние германские языческие культы, адепты которых искали духовные корни нации в рунах и мифах о Вотане.

Для многих это был глоток свежего воздуха, попытка найти индивидуальный путь к истине в мире, где все коллективные пути привели к катастрофе. Но для традиционных институтов, и в первую очередь для лютеранской и католической церквей, это многообразие было не признаком свободы, а симптомом болезни, духовного распада нации. Хаос в умах казался им прямым отражением политического и экономического хаоса на улицах. В этом многоголосье они видели не поиск, а потерю — потерю немецкой души, которую разрывали на части чуждые, непонятные и потому опасные учения.

В этой атмосфере интеллектуальной паники и родилась «проблема сект». Она не была изобретением нацистов. Она была сформулирована и облечена в респектабельную теологическую форму задолго до их прихода к власти. Ключевой фигурой в этом процессе стал молодой, амбициозный лютеранский теолог Вальтер Кюннет. В 1928 году он опубликовал работу, которой суждено было стать

идеологическим катехизисом для будущих гонителей. Книга называлась «Die Sektenproblem der Gegenwart» («Проблема сект в современности»), но более точным переводом ее сути было бы «Секты как проблема для современности».

Кюннет не был примитивным фанатиком. Он был образованным интеллектуалом, и его работа была написана не как грубый памфлет, а как серьезное богословское исследование. Именно это и делало ее столь опасной. Он не призывал к насилию. Он создавал нечто гораздо более важное: легитимную основу для будущего государственного преследования. Кюннет систематизировал страхи консервативного общества и придал им академический вес.

Его главный тезис был прост и соблазнителен: «секты» — это не просто иные религиозные взгляды. Это, по своей сути, антицерковные и, как следствие, антинациональные явления. Он утверждал, что они представляют собой «духовное разложение», подтачивающее моральные устои и единство немецкого народа. Кюннет разработал целую типологию угроз. Американские группы, такие как Свидетели Иеговы или мормоны, он изображал как проводников «американизма» — чуждого, прагматичного духа, несовместимого с глубиной немецкой души. Эзотерические движения вроде антропософии он клеймил как «синкретический хаос», смешивающий христианство с восточным мистицизмом и тем самым «загрязняющий» чистоту веры.

Лояльность чему-либо, кроме нации и государства, объявлялась подозрительной и враждебной. Кюннет, ковал оружие для тех, кто вскоре потребует абсолютной и безраздельной лояльности. Он превратил теологический спор в вопрос национальной безопасности. Он учил видеть в соседке-теософке не просто чудачку, а угрозу, в коллеге-пацифисте — не человека с иными убеждениями, а предателя.

Работы Кюннета и других церковных «апологетов» (защитников веры) создали необходимый интеллектуальный климат. Они подготовили почву. Они ввели в оборот сам язык, на котором будут говорить будущие преследователи. Термины вроде «духовное загрязнение», «угроза народному телу» и «чуждый дух» стали общим местом в респектабельных дискуссиях задолго до того, как их подхватила нацистская пропаганда.

Когда в январе 1933 года Адольф Гитлер пришел к власти, ему не нужно было придумывать «проблему сект». Она уже существовала, подробно описанная, каталогизированная и признанная респектабельной частью общества. Ему и его идеологам оставалось лишь взять эту готовую концепцию и превратить ее из

теологической теории в государственную практику, заменив робкие призывы церкви к «защите» на безжалостную хватку тайной полиции. Призрак Веймара, порожденный страхом и неуверенностью, обретал плоть в виде тоталитарного режима, готового «очистить» нацию от любого инакомыслия. Идеологическая кузница подготовила металл, из которого вскоре начнут ковать кандалы.

Глава 2. Идеология чистоты. Национал-социализм и война с «духовным загрязнением»

Национал-социализм был одержим идеей чистоты. Эта одержимость пронизывала все аспекты его идеологии, от расовой теории до культурной политики. Чистота арийской крови, чистота немецкого искусства, чистота германского духа — вот три кита, на которых строился миф о Тысячелетнем рейхе. И если главным врагом расовой чистоты был объявлен еврей, то врагом чистоты духовной стало любое мировоззрение, которое не вписывалось в узкие рамки нацистской доктрины. В этом контексте «борьба с сектами» была не второстепенной задачей, не причудой отдельных функционеров, а логичным и необходимым элементом построения тоталитарного общества.

Центральным понятием, объясняющим этот процесс, стало *Gleichschaltung* — слово, которое трудно перевести дословно, но которое означает «унификацию», «выравнивание» или «подключение к единой сети». Это была тотальная синхронизация всех сфер жизни немецкого общества с нацистской идеологией. Профсоюзы, молодежные организации, спортивные клубы, культурные ассоциации — все они были либо распущены, либо интегрированы в партийные структуры. Цель была проста: уничтожить любые очаги независимой общественной жизни, любые формы коллективной идентичности, которые могли бы составить конкуренцию партии. Человек должен был остаться один на один с государством, его единственной семьей, его единственной церковью, его единственным авторитетом.

Именно здесь «антисектантские» настроения Веймарской республики оказались для нацистов бесценным подарком. Теологи вроде Вальтера Кюннета уже проделали огромную работу, определив «секты» как носителей альтернативной лояльности, стоящей выше лояльности нации. Нацистам

оставалось лишь довести эту логику до ее предельного, кровавого завершения. Если раньше «секта» была теологической проблемой для церкви, то теперь она стала политической проблемой для государства.

Любая группа, предлагавшая своим членам иную систему ценностей, иную картину мира или иную высшую власть, чем Адольф Гитлер, автоматически подпадала под определение «секты» и, следовательно, «врага народа». Неважно, были ли это Свидетели Иеговы, чья лояльность принадлежала Царству Бога, а не фюреру; антропософы, верившие в карму и духовную эволюцию, а не в кровь и почву; или масоны с их космополитическими идеалами братства всех людей. Все они совершали одно и то же непростительное преступление: они осмеливались иметь собственную, независимую от государства, духовную жизнь. Они создавали «государство в государстве», как писала нацистская пресса, подрывая монополию партии на умы и души немцев.

Эта риторика «очищения» и «выжигания язв» была не просто метафорой. Она была прямым руководством к действию. Нацистская идеология рассматривала общество как биологический организм — *Volkskörper*, «народное тело». А «секты», наряду с евреями, цыганами и душевнобольными, объявлялись вирусами, инфекциями, «духовным загрязнением», которое угрожает здоровью этого организма. Борьба с ними была не вопросом политических репрессий, а вопросом гигиены, необходимой санитарной мерой для выживания нации.

Эта биологизация и медикализация инакомыслия имела два важных последствия. Во-первых, она дегуманизировала жертв. С «духовной заразой» не спорят, ее не переубеждают — ее уничтожают. Человек, принадлежащий к «секте», переставал быть оппонентом с иными взглядами; он становился носителем опасного патогена. Во-вторых, она оправдывала преследования в глазах обывателей. Ведь врач, который делает болезненную операцию по удалению опухоли, — не садист, а спаситель. Точно так же и государство, «очищающее» общество от «сект», позиционировало себя не как тирана, а как заботливого доктора, спасающего нацию от гибели.

Пропаганда активно эксплуатировала этот образ. Газеты пестрели статьями о «духовных шарлатанах», которые «опутывают своими сетями» доверчивых граждан, «высасывают из них деньги» и «разрушают немецкие семьи». Этот язык был прост, понятен и бил по самым глубинным страхам обывателя: страху потерять близких, страху быть обманутым, страху перед непонятным и чужим.

Таким образом, нацисты блестяще адаптировали существующие «антисектантские» фобии для своих целей. Они взяли расплывчатую тревогу Веймарской эпохи и превратили ее в остро заточенный инструмент тоталитарного контроля. Война с «духовным загрязнением» стала неотъемлемой частью проекта *Gleichschaltung*. Уничтожая независимые духовные группы, режим не просто устранял конкурентов. Он атомизировал общество, разрушал горизонтальные связи между людьми, оставляя их беззащитными перед всепроникающей властью партии.

Каждый закрытый молитвенный дом, каждая разогнанная теософская лекция, каждый арестованный масон были шагами к построению идеально унифицированного общества, где есть только одна воля, одна вера и один фюрер. Идеология чистоты требовала полного контроля не только над телами, но и над душами. И «борьба с сектами» стала одним из ключевых фронтов в этой тотальной войне за человеческий дух.

Глава 3. Архитекторы преследования. СС Гиммлера и «Сектантский отдел»

Если идеология чистоты была душой нацистского режима, то его нервной системой и мускулами стали СС (Schutzstaffeln, «охранные отряды») под руководством Генриха Гиммлера. Этот бывший агроном, одержимый мистикой, оккультизмом и идеей создания новой арийской аристократии, был одним из самых могущественных и зловещих деятелей Третьего рейха. Именно он превратил СС из личной охраны Гитлера в гигантскую империю, включавшую в себя элитные войска, концентрационные лагеря и всесильную тайную полицию. И именно в недрах этой империи была создана машина для методичного подавления идеологических противников, включая так называемые «секты».

Переход от туманных идеологических деклараций к конкретным репрессивным действиям начался почти сразу после прихода нацистов к власти. Но поначалу это был скорее хаотичный процесс. Штурмовики СА громили молитвенные дома, местные партийные бонзы запрещали деятельность неугодных групп по собственной инициативе. Однако для такого педанта тотального контроля, как Гиммлер, этот хаос был неприемлем. Борьба с врагами рейха должна

была вестись не спонтанно, а системно, методично и, как он любил говорить, «по-научному».

Ключевую роль в этом процессе сыграла Служба безопасности рейхсфюрера СС, более известная как СД (Sicherheitsdienst). Созданная в 1931 году молодым и амбициозным Рейнхардом Гейдрихом, СД изначально была службой разведки и контрразведки внутри самой нацистской партии. Но после 1933 года ее полномочия стали стремительно расширяться. Гейдрих видел задачу СД не просто в поимке шпионов и диверсантов, а в тотальном «изучении» и контроле над всеми сферами жизни немецкого общества. СД должна была стать «идеологической разведкой» партии, ее глазами и ушами, проникающими в самые потаенные уголки сознания немцев.

В структуре СД было создано специальное Второе управление, занимавшееся «изучением идеологических противников» (*Gegnerforschung*). Его сотрудники были не типичными полицейскими громилами, а в основном молодыми интеллектуалами с университетским образованием — юристами, историками, социологами. Они не просто арестовывали, они анализировали. Они собирали информацию, писали подробные отчеты, составляли схемы и диаграммы, классифицируя врагов рейха по степени опасности.

Именно в рамках этого управления был сформирован отдел, который можно условно назвать «Сектантским отделом». Этот отдел стал мозговым центром государственной *Sektenbekämpfung*. Его задачей было не просто запретить ту или иную группу, а собрать на нее исчерпывающее досье: историю, доктрину, структуру, численность, имена лидеров и рядовых членов, финансовые потоки, международные связи.

Работа отдела напоминала деятельность академического института, поставленного на службу террору. Агенты СД под прикрытием проникали на собрания «сект», изымалась и тщательно изучалась их литература. Аналитики в берлинских кабинетах составляли подробные отчеты для Гиммлера и Гейдриха, в которых давали оценку «степени угрозы» той или иной группы для национал-социалистического мировоззрения.

Вот как мог звучать фрагмент одного из таких отчетов: движение, известное как «Серьёзные исследователи Библии» (Свидетели Иеговы), представляет собой религиозно-фанатичное объединение, враждебное национал-социалистическому государству. Его последователи отвергают всякую земную власть и принцип вождизма, признавая верховенство лишь «Царства Иеговы». Организация

поддерживает связи с зарубежными центрами, главным образом с американским руководством в Бруклине, и распространяет их литературу в пределах рейха. Тем самым она становится возможным каналом для иностранного влияния. Следует продолжить наблюдение за членами движения и ликвидацию его структуры на территории рейха, предпринимая аресты руководящих лиц и изъятие пропагандистских материалов.

На основе таких «аналитических» заключений принимались конкретные решения. В 1933 году были запрещены Свидетели Иеговы. В 1934 году пришел черед большинства масонских лож. В 1935 году была распущена Антропософское общество. Затем последовали запреты десятков более мелких групп — теософов, розенкрейцеров, приверженцев различных эзотерических учений.

В 1939 году, с началом войны, все полицейские и разведывательные структуры рейха были объединены в единый монструозный орган — Главное управление имперской безопасности (РСХА), которое возглавил все тот же Гейдрих. «Сектантский отдел» вошел в его состав, и его деятельность стала еще более безжалостной. Теперь речь шла не просто о запретах и арестах лидеров. Членство в «секте» стало основанием для отправки в концентрационный лагерь без суда и следствия.

Архитекторы преследования создали идеально отлаженную машину. Сначала идеологическая разведка СД «изучала» и классифицировала врага. Затем пропагандистский аппарат Геббельса создавал в обществе атмосферу ненависти и страха по отношению к нему. И, наконец, Гестапо (тайная государственная полиция, также входившая в РСХА) и система концлагерей осуществляли физическое уничтожение или «перевоспитание» неугодных.

Это не был хаос фанатичной толпы. Это была холодная, бюрократическая, системная работа по зачистке идеологического поля. Каждый арест был задокументирован, на каждого «сектанта» была заведена карточка. Машина работала без сбоев, перемалывая человеческие судьбы с безразличной эффективностью хорошо смазанного механизма. Гиммлер и его интеллектуалы из СД превратили абстрактную «борьбу с сектами» в конвейер репрессий, доказав, что самый страшный террор — это террор, организованный педантами и бюрократами.

ЧАСТЬ II. МЕХАНИЗМ УНИЧТОЖЕНИЯ

Глава 4. Конструирование врага. Масоны, Свидетели и Антропософы под судом пропаганды

Для того чтобы машина подавления заработала на полную мощность, было недостаточно просто объявить ту или иную группу враждебной. Необходимо было убедить миллионы простых немцев в том, что эта враждебность реальна, смертельно опасна и требует самых решительных мер. Нужно было сконструировать образ врага — яркий, уродливый и легко узнаваемый. Эту задачу взял на себя гений тоталитарной пропаганды Йозеф Геббельс и его Министерство народного просвещения и пропаганды. На конкретных примерах трех совершенно разных групп — масонов, Свидетелей Иеговы и антропософов — мы можем увидеть, как работала эта фабрика ненависти.

Масоны: Теория мирового заговора

Масонство, с его многовековой историей, закрытым характером, сложной символикой и космополитическими идеалами, было идеальным кандидатом на роль главного закулисного кукловода. Нацистская пропаганда взяла за основу старые антимасонские мифы, популярные в консервативных и антисемитских кругах еще с XIX века, и раздула их до масштабов вселенского заговора.

В глазах нацистов масоны были не просто тайным обществом, а «сверхгосударственной» силой, стремящейся к мировому господству. Их обвиняли в том, что именно они стояли за Французской революцией, распространением либеральных и демократических идей, свержением монархий и, самое главное, поражением Германии в Первой мировой войне. Масонство изображалось как инструмент в руках «мирового еврейства» — еще один мифический враг, с которым нацисты связывали все беды Германии.

Пропаганда рисовала образ зловещей сети, опутавшей весь мир. Масонские ложи представлялись центрами, где влиятельные политики, финансисты и интеллектуалы плетут интриги против национальных государств, стремясь создать единое глобальное правительство без наций и рас. Их идеалы гуманизма, терпимости и братства всех людей подавались как предательство по отношению к идее расовой чистоты и национального превосходства.

Сам Гиммлер был одержим борьбой с масонами. Он верил, что СС является своего рода антимасонерией, орденом, который должен противостоять их тлетворному влиянию.

Для обывателя создавался образ таинственной и всемогущей силы, которая действует в тени и несет ответственность за все его проблемы — от инфляции до безработицы. Преследование масонов, таким образом, подавалось не как расправа с инакомыслящими, а как акт национальной самообороны, удар по штабу вражеской армии.

Свидетели Иеговы: Солдаты чужого царства

Если масонов обвиняли в тайной борьбе за власть, то Свидетелей Иеговы (тогда известных как «Серьезные исследователи Библии» или *Bibelforscher*) обвиняли в демонстративном и открытом неповиновении власти. Эта небольшая, но сплоченная и бескомпромиссная группа представляла для нацистского режима совершенно особый вызов.

Их преступление было не в том, что они делали, а в том, чего они *не делали*. Они отказывались от нацистского приветствия, потому что считали его актом идолопоклонства. Они отказывались служить в армии, ссылаясь на библейскую заповедь «не убий» и свой христианский нейтралитет. Они отказывались вступать в нацистские организации и признавать какую-либо высшую власть, кроме своего Бога Иеговы. Для режима, построенного на принципе тотальной лояльности и обожествлении фюрера, такое поведение было немыслимым вызовом. Оно подрывало сами основы *Gleichschaltung*. Каждый Свидетель Иеговы, молча стоящий с опущенной рукой, когда все вокруг вскидывали ее в нацистском салюте, был живым укором, наглядной демонстрацией того, что тотальный контроль невозможен.

Сохранились слова Магдалены Куссеров, одной из выживших в те страшные времена. Магдалена, дочь семьи Свидетелей Иеговы из города Бохум, была арестована в нацистской Германии за отказ присоединиться к молодёжным организациям Третьего рейха и за продолжение религиозной деятельности. В 1941 году её заключили в тюрьму Ричлинген, а затем отправили в концентрационный лагерь Равенсбрюк. Во время допроса ей, как и многим другим Свидетелям Иеговы, предложили немедленное освобождение, если она подпишет заявление об отречении от своей веры — так называемую *Erklärung*, где нужно

было признать «ошибочность» вероучения и поклясться в верности рейху. Магдалена отказалась**:** *«Мне сказали: "Ты можешь идти домой, если подпишешь заявление, что отказываешься от своей веры". Я ответила: "Как я могу это подписать? Я верю, что Иегова — это Бог. Я не могу предать Его"»*.

Пропаганда изображала Свидетелей Иеговы как фанатиков, предателей и агентов врага. Их пацифизм клеймился как трусость и саботаж военных усилий нации. Их отказ от приветствия — как оскорбление фюрера и всего немецкого народа. Особый упор делался на их международные связи и американское происхождение (штаб-квартира организации находилась в Бруклине, США). Это позволяло изображать их как «агентов иудео-американского влияния», выполняющих приказы из-за рубежа и стремящихся ослабить Германию изнутри.

Газеты публиковали истории о том, как Свидетели «промывают мозги» своим адептам, заставляя их отказываться от патриотического долга и разрывать связи с семьями, которые не разделяют их веру. Их упорство и готовность идти за свои убеждения в тюрьмы и концлагеря подавались не как мужество, а как доказательство их «фанатизма» и «зомбированности». В отличие от других групп, Свидетелям Иеговы в концлагерях часто предлагали свободу — им нужно было лишь подписать документ об отречении от своей веры. Подавляющее большинство отказывалось. Их несокрушимая воля была для нацистов одновременно и непонятной, и невыносимой.

Антропософы: Носители «чуждого духа»

Третья группа, антропософы, последователи австрийского философа и мистика Рудольфа Штайнера, представляла собой совершенно иной тип «угрозы». Они не были вовлечены в политику, не имели международных заговоров и не отказывались от воинской службы. Их «преступление» было чисто идеологическим: их мировоззрение было признано «чуждым германскому духу».

Антропософия с ее учением о карме и реинкарнации, духовной иерархии и влиянии космоса на земную жизнь была слишком сложной, эзотеричной и космополитичной для примитивной идеологии «крови и почвы». Нацистские идеологи, такие как Альфред Розенберг, видели в антропософии опасного конкурента в борьбе за создание «нового немецкого мифа». У нацизма должна была быть монополия на мистику и иррациональность.

Пропаганда высмеивала антропософию как «еврейский мистицизм» и «духовное шарлатанство». Вальдорфские школы, основанные на педагогике Штайнера и делавшие упор на творческое и индивидуальное развитие ребенка, были объявлены рассадниками «антинемецкого духа». Их методы обучения, поощрявшие критическое мышление вместо слепого подчинения, представляли прямую угрозу нацистской системе воспитания.

Кроме того, антропософия была интернациональным движением, имевшим последователей по всему миру. Это, как и в случае со Свидетелями и масонами, позволяло обвинять их в недостатке патриотизма и связях с «враждебным окружением». Их учение о духовном братстве всех людей, независимо от расы и национальности, прямо противоречило расовой доктрине нацизма.

Преследование антропософов было, пожалуй, самым ярким примером войны с «духовным загрязнением». Их не обвиняли в конкретных преступных действиях. Их преследовали за сам образ мыслей, за их картину мира, которая была признана несовместимой с национал-социализмом.

Таким образом, для каждой группы пропаганда создавала свой собственный, уникальный образ врага, бьющий по разным общественным страхам: страху тайного заговора (масоны), страху предательства и неповиновения (Свидетели Иеговы) и страху перед чуждым, непонятным и «загрязняющим» влиянием (антропософы). Но цель всегда была одна: дегуманизировать жертв, оправдать репрессии и укрепить тотальный контроль режима над умами и душами нации. Конструирование врага было ключевым этапом на пути к его уничтожению.

Глава 5. Отравленный колодец. Язык вражды в нацистской прессе

Слова убивают. Прежде чем отправить человека в концентрационный лагерь, его нужно расчеловечить в сознании миллионов. Прежде чем сжечь его книги, нужно объявить их ядом. Нацистский режим довел это искусство до совершенства, превратив прессу, радио и кинематограф в мощнейшее оружие психологической войны против собственного народа. Анализ языка, который использовался для демонизации «сект» в таких изданиях, как официальный орган НСДАП *Völkischer Beobachter* («Народный обозреватель») и оголтело антисемитский еженедельник

Der Stürmer («Штурмовик»), позволяет составить каталог риторических клише, отравляющих общественное сознание. Этот каталог окажется пугающе актуальным, когда мы обратимся к современности.

Главной задачей пропаганды было не опровергнуть учения «сект» с богословской или философской точки зрения. Это было бы слишком сложно и неэффективно. Задача была проще: вызвать у читателя чувство брезгливости, страха и праведного гнева. Для этого использовался набор стандартных, многократно повторяемых обвинений, которые апеллировали не к разуму, а к эмоциям и инстинктам.

Давайте рассмотрим ключевые из них, те самые «отравленные стрелы», которые раз за разом вонзались в общественное сознание.

1. Обвинение в «промывании мозгов» и контроле сознания

Это было, пожалуй, центральное обвинение. Пропаганда утверждала, что «секты» обладают некими таинственными и зловещими техниками психологического воздействия, с помощью которых они лишают людей воли и превращают их в послушных марионеток или «зомби». Газеты пестрели душераздирающими историями о том, как здоровый, трудолюбивый немецкий юноша или добропорядочная домохозяйка после посещения нескольких собраний «сектантов» становились неузнаваемыми: теряли интерес к жизни, работе, семье и безвольно подчинялись приказам своих новых «хозяев».

Этот прием был чрезвычайно эффективен. Он, во-первых, объяснял, почему люди вообще вступают в такие группы (их «завербовали», а не они сами сделали выбор). Во-вторых, он снимал с государства ответственность за применение силы: с «зомби» не разговаривают, их «лечат» или изолируют.

2. Обвинение в финансовой эксплуатации

Деньги — тема, всегда волнующая обывателя. Нацистская пресса постоянно муссировала тему «финансовых аппетитов» сект. Лидеров этих групп изображали как циничных мошенников и шарлатанов, единственная цель которых — выкачать из своих последователей все до последнего пфеннига. Публиковались статьи о том, как «сектанты» заставляют адептов продавать дома и имущество и передавать все деньги в кассу организации.

Создавался образ паука, сосущего кровь из своих жертв. Лидеры «сект» на страницах газет представали в карикатурном виде: толстые, холеные, в дорогих костюмах, с хитрой ухмылкой, на фоне нищих, обобранных ими последователей. Это било по чувству социальной справедливости и вызывало классовую ненависть. Обвинение было универсальным и легко применимым к любой группе, имевшей кассу или собиравшей пожертвования.

3. Обвинение в разрушении семей

Это была еще одна чрезвычайно болезненная и эмоциональная тема. Пропаганда неустанно твердила, что «секты» целенаправленно разрушают главную ячейку общества — немецкую семью. Рассказывались истории о том, как новообращенный «сектант» порывал с родителями, бросал жену и детей, которые не разделяли его новых взглядов. Семья изображалась как поле битвы, где «секта» отвоевывает человека у его близких.

Это обвинение представляло «сектантов» не просто как инакомыслящих, а как врагов самого естественного порядка вещей. Оно вызывало глубоко личный, экзистенциальный страх — страх потерять самых дорогих людей. На этом фоне любые действия государства по «спасению» людей из лап «сект» выглядели оправданными и даже гуманными.

4. Обвинение в антисоциальном и аморальном поведении

«Сектам» приписывались самые разнообразные грехи: от сексуальной распущенности и оргий под видом ритуалов до отказа от труда и ведения паразитического образа жизни. Если доказать что-то конкретное было сложно, пропаганда использовала намеки и инсинуации, создавая общую атмосферу подозрительности и отвращения. Про тайные собрания масонов писали, что там происходят «ритуалы, оскорбляющие человеческое достоинство». Про коммуны реформаторов жизни — что это «рассадники разврата». Цель была в том, чтобы представить «сектантов» как людей «без морали», чуждых общепринятым нормам поведения.

5. Обвинение в подчинении иностранным центрам и шпионаже

Это было политическое обвинение, превращавшее «сектанта» из заблудшей овцы в государственного преступника. Любая международная связь той или иной

группы использовалась как доказательство ее антинемецкой, подрывной сущности. Свидетели Иеговы подчиняются Бруклину, масоны — мировому правительству, теософы — своим гуру в Индии. Все они, по версии пропаганды, были «пятой колонной», агентурой враждебных государств, выполняющей их задания по ослаблению и развалу Третьего рейха.

В условиях предвоенной и военной истерии это было самое страшное из обвинений. Оно автоматически ставило человека вне закона и оправдывало любые репрессии против него.

Эти пять пунктов — «промывание мозгов», финансовая эксплуатация, разрушение семей, аморальность и работа на иностранные разведки — составляли ядро нацистской антисектантской пропаганды. Они не требовали доказательств, они апеллировали к предрассудкам. Они создавали герметичный образ врага, не оставляя ему ни единого шанса на оправдание. Этот язык вражды, как яд, проникал в общественное сознание, отравляя его и подготавливая к принятию «окончательного решения» не только еврейского, но и любого другого «идеологического вопроса». Этот лексикон, этот набор смертоносных клише, не был похоронен под обломками Рейхсканцелярии. Он был законсервирован, чтобы дождаться своего часа и возродиться в новом месте и в новое время.

ЧАСТЬ III. СОВРЕМЕННОЕ ЭХО

Глава 6. Наследие подозрительности. Послевоенное антикультовое движение

Падение Третьего рейха в 1945 году, казалось, навсегда похоронило под своими обломками идеологию ненависти и тотального контроля. Нюрнбергский трибунал осудил преступления нацизма, и мир, ужаснувшись открывшейся ему бездне, принял Всеобщую декларацию прав человека, провозгласившую свободу мысли, совести и религии неотъемлемым правом каждого. Казалось, что технология *Sektenbekämpfung* — государственного преследования по признаку убеждений — дискредитирована окончательно и бесповоротно. Однако история распорядилась иначе. Сам вирус подозрительности не был уничтожен; он лишь затаился, мутировал и нашел новых носителей.

Наследие нацистской борьбы с «сектами» оказалось двойственным. С одной стороны, само слово «секта» в послевоенной Германии на долгие годы стало токсичным. Любая попытка государства вмешаться в дела религиозных меньшинств вызывала болезненные исторические ассоциации. С другой стороны, сама методология — конструирование образа врага через набор стандартных обвинений — никуда не исчезла. Она просто сменила идеологическую обертку.

Новый всплеск страха перед «культами» произошел не в разоренной Европе, а в сытой и благополучной Америке 1970-х годов. Контркультура 60-х, война во Вьетнаме, кризис традиционных ценностей — все это породило у молодежи интерес к новым формам духовности, многие из которых пришли с Востока. Движение Харе Кришна, Трансцендентальная медитация, последователи гуру Махариши и других восточных учителей, а также новые христианские группы, такие как «Дети Бога», стали заметной частью социального ландшафта.

И так же, как и в Веймарской Германии, это вызвало панику у консервативной части общества, в первую очередь у родителей, чьи дети уходили в ашрамы и коммуны. Именно из этого родительского страха и отчаяния выросло современное антикультовое движение (Anti-Cult Movement, ACM). Его пионером стал Тед Патрик, человек без специального образования, который ввел в оборот термин «депрограммирование» — насильственное похищение члена «культа» и подвергание его массированному психологическому давлению с целью заставить отречься от своей веры.

Хотя прямая идеологическая связь с нацизмом здесь, разумеется, отсутствовала — антикультисты не апеллировали к расовой чистоте или национальному единству, — инструментарий и риторика оказались поразительно схожими. Движение строилось на тех же самых китах, что и пропаганда Геббельса.

Во-первых, центральной стала псевдонаучная теория «контроля сознания» или «промывания мозгов», разработанная психологами Маргарет Сингер и Луисом Джолионом Уэстом. Они утверждали, что «культы» используют изощренные методы психологической манипуляции (бомбардировка любовью, контроль информации, гипноз), которые лишают человека способности к критическому мышлению. Это было прямое повторение нацистского тезиса о «порабощении разума». Как и в 1930-е, эта теория позволяла представить новообращенного не как человека, сделавшего свободный выбор, а как беспомощную жертву, которую нужно «спасать» даже против ее воли.

Во-вторых, активно использовались обвинения в финансовой эксплуатации. «Культы» изображались как финансовые пирамиды, созданные циничными лидерами-мошенниками для личного обогащения.

В-третьих, муссировалась тема разрушения семей. Антикультистская пресса была полна историй о том, как «культы» отрывают детей от родителей и разрушают браки.

В-четвертых, широко тиражировались слухи о сексуальной эксплуатации и аморальном поведении внутри групп. Трагическая история массового самоубийства в Джонстауне в 1978 году стала для антикультистов мощнейшим козырем, позволившим им объявить потенциально опасной практически любую нетрадиционную группу. Лозунг «Это может закончиться новым Джонстауном!» стал универсальным пугалом.

Из США это движение перекинулось в Европу, в первую очередь во Францию, где оно получило мощную государственную поддержку. Были созданы специальные парламентские комиссии, составлявшие «черные списки» сект, а законы, направленные против них, стали одними из самых жестких в западном мире.

Мост между нацистской *Sektenbekämpfung* и современным антикультизмом — это не преемственность идеологии, а преемственность технологии. Технологии создания «культа врага». В обоих случаях мы видим один и тот же механизм:

1. Берется реальная или мнимая социальная проблема (духовный вакуум 20-х, молодежный бунт 70-х).

2. Ответственность за нее возлагается на некую легко идентифицируемую группу (религиозное меньшинство).

3. Эта группа демонизируется с помощью стандартного набора обвинений (контроль сознания, вымогательство денег, разрушение семей, аморальность).

4. В обществе создается атмосфера страха и моральной паники.

5. На волне этой паники государство получает мандат на репрессии и ограничение гражданских свобод под предлогом защиты населения.

Послевоенное антикультистское движение подготовило почву для следующего этапа. Оно создало новый, «демократический» и «наукообразный» язык для старой ненависти. Оно отмыло и реабилитировало саму идею борьбы с инакомыслием, представив ее не как политическую репрессию, а как «защиту прав человека» и «помощь жертвам». Этот обновленный и отточенный инструментарий был готов к экспорту. И в 1990-е годы он нашел самую благодатную почву в России, переживавшей свой собственный «веймарский синдром» — крах старой идеологии, экономический хаос и мучительный поиск новой идентичности. И именно здесь на сцену вышел человек, который смог синтезировать наследие западного антикультизма с традициями советской репрессивной психиатрии и православного фундаментализма, создав поистине гремучую смесь.

Глава 7. Справочник «сектоведа». Александр Дворкин и риторика «духовной безопасности»

Распад Советского Союза в 1991 году породил идеологический вакуум, который по своим масштабам и глубине был сопоставим с духовным кризисом Веймарской Германии. Семьдесят лет государственного атеизма сменились полной свободой совести. В страну, изголодавшуюся по духовности, хлынул поток проповедников всех мастей: от американских евангелистов и корейских пресвитериан до последователей восточных гуру и отечественных создателей «новых откровений». Как и в Германии 20-х, этот религиозный ренессанс вызвал у многих не радость, а страх. Особенно остро на «нашествие иноверцев» отреагировала Русская православная церковь (РПЦ), которая после десятилетий

гонений стремилась восстановить свой статус единственной духовной опоры нации.

Именно на этой волне страха и реваншизма появляется Александр Леонидович Дворкин. Эмигрировав в 1977 году в США и вернувшись в Россию в конце 1991 года, Дворкин привез с собой не только диплом Свято-Владимирской православной семинарии, но и идеологический багаж западного антикультистского движения. Он стал главным «сектоведом» страны, а его книга «Сектоведение. Тоталитарные секты. Опыт систематического исследования» — библией для всех, кто видел в религиозном многообразии не благо, а угрозу.

Центральным понятием в концепции Дворкина является «тоталитарная секта». Уже сам этот термин — мощнейший риторический инструмент. Он соединяет в себе два пугающих образа: зловещей, таинственной «секты» и политического «тоталитаризма», ассоциирующегося с нацизмом. Любая группа, получившая такой ярлык, автоматически оказывается в одном ряду с самыми страшными режимами XX века.

А теперь проанализируем содержание этого термина, сравнивая его с нацистской пропагандистской моделью.

На первом месте, как и в пропаганде Третьего рейха, стоит **контроль сознания, или «промывание мозгов»**. Это ядро концепции Дворкина. Подобно нацистским пропагандистам и западным антикультистам, он утверждает, что «тоталитарные секты» используют специальные психотехники для вербовки и удержания адептов. Он активно использует псевдонаучную лексику, заимствованную у Маргарет Сингер: «контроль сознания», «бомбардировка любовью», «контролируемая среда». Человек, вступивший в такую группу, по Дворкину, — не личность, сделавшая выбор, а жертва, «завербованная» и «зомбированная». Цель: дегуманизировать члена группы, лишить его субъектности и оправдать любое вмешательство в его жизнь под предлогом «спасения».

Второе обвинение, прямо перекликающееся с нацистской прессой, — **финансовая эксплуатация**. Тема денег занимает центральное место и в трудах Дворкина. Он постоянно подчеркивает, что главная цель любой «секты» — это обогащение ее лидеров. В его описаниях «сектантские» организации предстают как хорошо отлаженные коммерческие предприятия по выкачиванию денег из населения. Он подробно описывает схемы пожертвований, продажи литературы, платных семинаров, представляя все это не как нормальную финансовую

деятельность любой организации, а как преступный умысел. Как и в *Der Stürmer*, создается образ циничного, алчного лидера-мошенника. Это простой и эффективный способ дискредитации любой группы в глазах обывателя.

Третье обвинение также являющийся прямым эхом прошлого, — **разрушение семей**. Это еще один ключевой элемент «сектоведения» Дворкина. Он постоянно приводит примеры того, как секты настраивают детей против родителей, разрушают браки, требуют от адептов порвать все связи. Как и нацистская пропаганда, он апеллирует к глубинному страху потери близких, представляя секту как хищника, похищающего людей из их семей. В России, где семейные ценности традиционно сильны, этот аргумент находит особенно живой отклик.

Четвертый пункт, аморальность и опасность для здоровья, также полностью воспроизводится. Дворкин и его последователи активно распространяют информацию об аморальном поведении внутри сект: от сексуальной эксплуатации до призывов к отказу от медицинской помощи. Каждая трагедия, связанная с кем-то из членов нетрадиционной группы, раздувается до глобальных масштабов и преподносится как типичное проявление «сектантской» сущности. Активно используется медицинская лексика: секты сравниваются с раковой опухолью, которая тянет соки из организма. Это прямое эхо нацистской риторики о «духовных вирусах» и «язвах на теле народа».

Наконец, пятое, самое политизированное обвинение — **подчинение иностранным центрам и шпионаж**. Этот пункт в риторике Дворкина приобрел особое, гипертрофированное значение, идеально вписавшись в постсоветскую атмосферу подозрительности к Западу. Почти все новые религиозные движения Дворкин объявляет «иностранными агентами», инструментами западных спецслужб, цель которых — «духовная агрессия» против России, подрыв ее традиционных ценностей и, в конечном счете, ее развал.

Это та же схема, что использовали нацисты против Свидетелей Иеговы (их связывали с «международным еврейством» из-за американского происхождения религии) или масонов (обвинения в «еврейско-масонском заговоре»). Логика идентична: международные связи автоматически трактуются как шпионаж и предательство, как враг государства. Таким образом, анализ риторики Александра Дворкина показывает, что его концепция «тоталитарной секты» является не столько научным инструментом, сколько идеологическим конструктом, собранным из тех же самых элементов, что и нацистская антисектантская

пропаганда. Это та же самая технология «конструирования врага», лишь слегка адаптированная к новым историческим условиям и облеченная в новую терминологию («духовная безопасность» вместо «чистоты расы», «православие» вместо «германского духа»). Отравленный колодец риторики 1930-х годов дал новые, ядовитые всходы на российской почве. И так же, как и в нацистской Германии, эта риторика оказалась чрезвычайно востребованной государством, ищущим способы усилить контроль над обществом.

Глава 8. Новый *Gleichschaltung*? «Антикультизм» как инструмент государственного контроля

Идеи становятся по-настоящему опасными, когда они получают поддержку государства. Веймарские теологи могли сколько угодно писать о «проблеме сект», но именно альянс с нацистским режимом превратил их теории в машину уничтожения. Точно также деятельность Александра Дворкина и его сторонников могла бы остаться маргинальной, если бы они целенаправленно не лоббировали свои идеи и не убедили государство в существовании масштабной «сектантской» угрозы национальной безопасности. «Борьба с сектами» в современной России, как и в Третьем рейхе, превратилась из общественной инициативы в элемент государственной политики, в удобный инструмент для нового *Gleichschaltung* — унификации духовного и общественного пространства.

С середины 1990-х годов идеи «сектоведов» начали активно проникать в общественное пространство, а затем и в государственный аппарат. В 2009 году Дворкин стал председателем Экспертного совета по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Министерстве юстиции РФ. Его книги и лекции стали методическими пособиями для чиновников, сотрудников правоохранительных органов и спецслужб. Термины «тоталитарная секта» и «деструктивный культ», не имеющие никакого юридического определения, прочно вошли в их служебный лексикон. Начался процесс, который можно назвать «огосударствлением антикультизма», — когда антикультовая повестка стала частью государственной политики.

Этот процесс шел по нескольким направлениям.

1. Законодательное ограничение

Первым шагом стало принятие в 1997 году нового закона «О свободе совести и о религиозных объединениях». РПЦ, антикультовое движение и особенно Александр Дворкин активно лоббировали и мобилизовали сторонников для его принятия. Закон разделил религиозные организации на два сорта

С одной стороны — «традиционные» религии (православие, ислам, иудаизм, буддизм), пользующиеся полным доверием и поддержкой государства. С другой — все остальные, «нетрадиционные», которые были поставлены в положение подозрительных и вынуждены были проходить унизительные процедуры перерегистрации, доказывая свое право на существование. Многие новые группы не смогли этого сделать и оказались вне закона. Это был первый шаг к сужению поля религиозной свободы.

2. Интеграция с «антиэкстремистским» законодательством

Решающий поворот произошел с принятием и последующим ужесточением законодательства о «противодействии экстремистской деятельности». Изначально направленное против реальных угроз, таких как терроризм и разжигание национальной розни, это законодательство благодаря своей расплывчатости стало идеальным инструментом для подавления любых неугодных групп. И здесь риторика «сектоведов» оказалась как нельзя кстати.

Вспомним нацистскую модель: «сектант» — это не просто инакомыслящий, а шпион и предатель. В современной России эта схема была воспроизведена с пугающей точностью. Деятельность любой «нетрадиционной» религиозной группы стала трактоваться через призму «экстремизма».

- Утверждение об истинности своей веры? Это «пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его религиозной принадлежности» — один из признаков экстремизма.
- Молишься в общественном месте, говоришь о религии, раздаёшь листовки? Это незаконная миссионерская деятельность — почти вербовка на улице, нарушение закона.
- Отказ от каких-либо гражданских обязанностей по мотивам совести (например, отказ Свидетелей Иеговы от службы в армии)? Это «нарушение

прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его религиозной принадлежности» — предательство страны.

Именно по этим надуманным обвинениям в «экстремизме» в 2017 году в России была полностью запрещена и ликвидирована организация Свидетелей Иеговы, насчитывавшая более 170 тысяч последователей. Тысячи людей, которые никогда не призывали к насилию, оказались в положении преступников, участников экстремистской организации, только за то, что они читали Библию и собирались вместе для молитвы. Их преследовали не за то, что они делали, а за то, кем они были. Это был самый масштабный акт религиозных репрессий в России с советских времен, и он был полностью осуществлен по лекалам «антикультистской» идеологии.

3. Создание атмосферы страха и доносительства

Государственные СМИ активно подхватили и растиражировали антикультистскую риторику. Телеканалы стали регулярно выпускать «разоблачительные» фильмы о «страшных сектах», где в лучших традициях геббельсовской пропаганды использовались скрытые камеры, зловещая музыка и закадровый голос, нагнетающий ужас. Людей призывали к «бдительности», поощряли сообщать в «компетентные органы» о деятельности подозрительных соседей.

Это возрождало самые темные страницы истории — культуру доносительства. Как и в 1930-е годы в Германии, обывателя убеждали, что донос на «сектанта» — это не подлость, а гражданский долг, акт спасения общества от духовной заразы.

4. Криминализация самого факта инакомыслия

Главная опасность современного «антикультизма», интегрированного в государственную машину, заключается в том, что он стирает грань между реальным преступлением (мошенничеством, насилием, доведением до самоубийства) так называемыми «преступлениями мнения» (*thoughtcrime*).: когда людей наказывают не за реальные действия, а за «неправильные» взгляды или убеждения, которые не запрещены законом. Вместо того чтобы расследовать конкретные правонарушения конкретных лиц, государство начинает преследовать целые группы по факту их существования, потому что их взгляды или вероучения не нравятся отдельным представителям власти. Обвинение строится не на

доказанных фактах преступной деятельности, а на «экспертных заключениях», аффилированных с государством «сектоведов», которые объявляют само учение группы «человеконенавистническим» или «экстремистским».

Так наказывают уже не за преступления, а за сам факт принадлежности. Это всё равно что судить футбольный клуб за ошибку одного игрока. Таким образом и здесь, на скамье подсудимых оказываются не отдельные преступники, а целые мировоззрения. Это и есть суть нового *Gleichschaltung*. Под предлогом борьбы с «сектами» и «экстремизмом» государство получает инструмент для подавления любой идеологической альтернативы, любой формы гражданской самоорганизации, не санкционированной сверху. Сегодня это Свидетели Иеговы. Завтра — неугодные мусульманские общины, независимые протестантские церкви, экологические активисты, правозащитные организации. Механизм универсален. Достаточно лишь наклеить ярлык «секта» или «экстремистская организация».

Таким образом, антикультовая риторика о «защите личности, семьи и общества» и нагнетание образа угрозы стали удобным прикрытием для последовательного формирования жёстко контролируемого, унифицированного общества, где любое отклонение от генеральной линии рассматривается как угроза национальной безопасности. Опасность не в борьбе с реальными преступлениями, которые, безусловно, должны наказываться по закону. Опасность в криминализации самого факта принадлежности к «неправильной» группе, в возрождении принципа коллективной вины. Исторический круг замкнулся. Технология, отточенная в Третьем рейхе, оказалась пугающе эффективной и в XXI веке.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История, рассказанная в этой книге, приводит нас к нескольким неутешительным, но важным выводам.

Во-первых, «антикультизм» — это не просто критика тех или иных убеждений. Это мощная и исторически скомпрометированная идеология подавления. Она предлагает простые ответы на сложные вопросы, подменяя вдумчивый анализ поиском «козлов отпущения». Она эксплуатирует глубинные человеческие страхи — страх перед непонятным, страх за своих близких, страх быть обманутым — и направляет их на заранее выбранную цель. Она создает иллюзию борьбы за добро и безопасность, но на деле разрушает основы свободного общества.

Во-вторых, язык имеет значение. Слова, которые мы используем, формируют нашу реальность. Термины вроде «тоталитарная секта», «промывание мозгов», «зомбирование», «духовная агрессия» — это не научные категории, а инструменты пропаганды. Они не описывают реальность, а конструируют ее, заранее назначая виновных и оправдывая репрессии. Они отравляют общественный диалог, делая невозможным уважительное обсуждение разногласий. Эта риторика ненависти практически без изменений кочует из одной эпохи в другую, из одной тоталитарной системы в другую.

В-третьих, самый опасный союз — это союз фанатичной идеологии и государственной машины. Пока антикультизм существует на уровне общественных споров, он является лишь одним из мнений, пусть и деструктивным. Но когда он становится частью государственной политики, он превращается в инструмент тотального контроля, в новый *Gleichschaltung*. Под предлогом защиты «духовной безопасности» или «традиционных ценностей» государство получает право решать, какие убеждения являются «правильными», а какие — «преступными». Это прямой путь к уничтожению прав и свобод.

Современный российский антикультизм является прямой реинкарнацией нацизма. Прослеживается сходство методов, риторики и, главное, результатов — подавления инакомыслия и атомизации общества — заставляет бить тревогу. Технология «культа врага» оказалась универсальной. Она может быть использована любым авторитарным режимом, независимо от его официальной идеологии. Ей нужна лишь благодатная почва — общество, охваченное страхом и неуверенностью.

Что можно этому противопоставить? Ответ не в создании «анти-антикультистских» движений. Ответ — в индивидуальной и коллективной интеллектуальной бдительности.

Нужно учиться распознавать язык вражды, даже если он облечен в наукообразную или патриотическую форму.

Нужно защищать свободу совести не только для тех, чьи взгляды мы разделяем, но и, прежде всего, для тех, чьи убеждения кажутся нам странными, чуждыми или даже ошибочными. Мартин Нимёллер, немецкий пастор, оставил нам предупреждение:

«Когда нацисты пришли за социалистами, я оставался безмолвным. Я не был социалистом.

Когда они пришли за членами профсоюза, я не стал протестовать. Я не был членом профсоюза.

Когда они пришли за евреями, я не возмутился. Я не был евреем.

Когда они пришли за мной, не осталось никого, кто бы выступил против».

Тень Третьего рейха не исчезла 9 мая 1945 года. Она продолжает жить в методах манипуляции сознанием, в антикультовой риторике, в технологиях конструирования врагов, в готовности людей променять свободу на иллюзию безопасности. История борьбы с «сектами» — это–напоминание о том, как легко общество может скатиться в нацизм, прикрываясь самыми благими намерениями. Наша задача — помнить эти уроки. Распознавать старого врага в его новом обличье. И не позволить ему снова победить. Потому что на кону стоит не только судьба отдельных групп, но и само будущее свободного мира.

ИСТОЧНИКИ

1. Kater, M. H. (2006). *Das «Ahnenerbe» der SS 1935–1945: Ein Beitrag zur Kulturpolitik des Dritten Reiches* (4 Aufl.). Oldenbourg Verlag.

2. King, C. (1982). *The Nazi State and the New Religions: Five Case Studies in Persecution*. Edwin Mellen Press.

3. Künneth, W. (1928). *Die Sektenproblem der Gegenwart*. Wichern-Verlag.

4. Richardson, J. T. (Ed.). (2004). *Regulating Religion: Case Studies from Around the Globe*. Kluwer Academic / Plenum Publishers.

5. Rosenberg, A. (1930). *Der Mythus des 20. Jahrhunderts*. Hoheneichen-Verlag.

6. USC Shoah Foundation. https://sfi.usc.edu/

7. Верховский, А. М. (2005). *Цена ненависти: Национализм в России и противодействие расистским преступлениям*. Центр «Сова».

8. Геббельс, Й. (1998). *Дневники 1945 года: Последние записи*. Русич.

9. Дворкин, А. (2002). *Сектоведение: Тоталитарные секты. Опыт систематического исследования*. Издательство братства во имя св. князя Александра Невского.